

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К вопросу о самообороне от негосударственных субъектов

*Варфоломеев А.А.**

Автор предпринимает попытку развить имеющиеся разработки о толковании права на самооборону в контексте новых угроз и приходит к заключению, что правовые основания и последствия вооружённого ответа на государственные и негосударственные угрозы различны. В этой связи рассматривается целесообразность корректировки понятия косвенной агрессии для случаев предоставления государством своей территории негосударственному субъекту для совершения нападения на другое государство. Оценивается соответствие российского внутреннего законодательства установкам права международной безопасности в отношении права на самооборону.

Ключевые слова: негосударственный субъект; самооборона; Совет Безопасности ООН; новые вызовы и угрозы.

Вот уже более десяти лет один из, казалось бы, классических сюжетов действующего международного права переживает своё второе рождение. Мы имеем в виду проблемы самообороны в различных её ипостасях. Принципиально, что данные вопросы не просто будоражат умы теоретиков, но становятся основой экспертных заключений и практических рекомендаций по решению наиболее острых проблем международной безопасности.

* Варфоломеев Антон Александрович – канд. полит. наук, докторант, доцент кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета. varfanton@yandex.ru.

Пищи для размышлений действительно предостаточно. Как известно, после событий 11 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН своими резолюциями 1368 и 1373 приравнял беспрецедентные террористические атаки на США к вооружённому нападению по смыслу ст. 51 Устава ООН. А начиная с одиозной Стратегии национальной безопасности США 2002 г. некоторые государства в одностороннем порядке, но открыто стали резервировать за собой право на упреждающую и даже превентивную самооборону, обосновывая это новыми конфигурациями угроз на фоне «устаревающих» «костных» норм права международной безопасности.

По столь горячей проблематике высказывались юристы, политологи, дипломаты и военные – как в России, так и за рубежом. Однако приходится констатировать, что даже среди отечественных специалистов здесь не удалось достичь доктринального согласия. И это при том, что в абсолютном большинстве случаев основу рассуждений (а зачастую и противоречащих друг другу выводов) составляла одна и та же эмпирика – случай с «Каролиной» и последовавшее американо-британское дипломатическое разбирательство¹; Определение агрессии, утверждённое Генеральной ассамблеей ООН²; решение Международного суда по делу Никарагуа против США³; Доклад «Группы мудрецов» при Генсеке ООН К. Аннана⁴.

¹ В декабре 1837 г. США отправили участникам антибританского восстания в Канаде шхуну «Каролина» с припасами, оружием и амуницией. Судно пристало к американскому острову на пограничной реке Ниагаре. Британцы предприняли вылазку на территорию США и напали на «Каролину», шедшую под американским флагом, обосновав такие свои действия целесообразностью самообороны. Не отрицая вины американцев, находившихся на шхуне, за деятельность против Великобритании, госсекретарь США Уэбстер в содержательной дипломатической переписке с британцами оспорил необходимость их упреждающей самообороны – которая, в соответствии с его формулой, должна быть «сиюминутной, подавляющей, не оставляющей ни возможности выбора средств, ни времени на размышление». Критерии Уэбстера стали классикой англосаксонской доктрины международного права. На них ссылаются США, обосновывая своё право на меры односторонней упреждающей самообороны. Поскольку Устав ООН своими положениями о самообороне (ст. 51) заменил соответствующие нормы международного обычного права, мы считаем случай с «Каролиной» примечательной вехой истории, сегодня не имеющей какого-либо юридического значения.

² Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.

³ Дело о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа. Решение от 27 июля 1986 г.

⁴ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН A/59/565+Corr. 1.

Критический анализ значительного объёма отечественных и зарубежных исследований, посвящённых толкованию права на самооборону в новых международных реалиях, привёл нас к ряду заключений, одно из которых стало исходной посылкой данной работы. *В целом, мы полагаем, что рассмотрение вопросов самообороны от государственных и от негосударственных угроз не может быть идентичным.* И в данной статье из всех связанных сюжетов мы хотели бы выделить проблематику самообороны против негосударственных субъектов⁵, ведь именно их деятельность стала провоцирующим поводом для попыток пересмотра установок права международной безопасности.

Итак, нам представляется, что, с точки зрения юридических последствий и перспектив системного развития международного права, дискуссии о превентивной самообороне не могут базироваться на одной логике и результироваться идентичными выводами применительно к ответу на государственные и негосударственные угрозы. В частности, вопросы нанесения превентивных ударов против субъектов международного права и возможные превентивные действия против негосударственных субъектов должны разбираться по отдельности, поскольку нормы, подкрепляющие выводы, да и сама логика рассуждений будут серьёзно различаться.

Основания для самообороны против государств-агрессоров и негосударственных субъектов

Начнём с наблюдений общего характера, которые можно считать в известной степени философскими, однако мы полагаем их принципиальными. Дело в том, что практически все нормы права международной безопасности – это ответная реакция международного сообщества на угрозы, с которыми оно сталкивалось когда-либо прежде. Естественно, источником всех «исторических» угроз были суверенные государства, а одним из столпов их взаимоотношений, как известно, является

⁵ Мы отдаём себе отчёт в том, что понятие негосударственных субъектов в правовом отношении является несколько аморфным. Говоря о них, мы ориентируемся на дух резолюции 1540 (2004) Совета Безопасности ООН, которая направлена на предотвращение попадания в руки таких субъектов (в т.ч. террористических организаций) ОМУ и его компонентов. Определяющим признаком негосударственных субъектов Совбез указал отсутствие законных полномочий от какого-либо государства на осуществление деятельности, подпадающей под действие резолюции. Мы полагаем, что вопрос уполномочивания (гласного или негласного) на деятельность в сфере международной безопасности является ключевым.

принцип *Par in parem non habit imperium*. В отличие от нарушителей уголовно-правовых запретов, даже преступая правила сосуществования, государства не подвергаются поражению в основных правах. Правосубъектность государства-агрессора ничем не отличается от правосубъектности государства-жертвы его нападения⁶. В этом плане логика действующего права международной безопасности не оставляет возможностей для распространения всех его норм на угрозы безопасности со стороны негосударственных субъектов, потому как эти нормы исходят из *легальности* положения субъектов конфликтов и международных споров. Применение принципов и норм права международной безопасности нарушало бы логику (ведь они были выработаны для взаимоотношений по типу государство-государство, *par in parem*...) Но самое важное, это бы в какой-то мере легитимизировало негосударственных субъектов, встраивало их в международные правоотношения, ставило бы вопрос об их статусе законных участников вооружённых конфликтов⁷.

Совет Безопасности (в резолюциях 1368, 1373 и последовавших) квалифицировал террористические атаки «Аль-Каиды» при поддержке «Талибана» как угрозу для международного мира и безопасности, подтвердил право США на самооборону, узаконил действия Антитеррористической коалиции в Афганистане. Но, безусловно, не распространил действие классического права международной безопасности и международного гуманитарного права на всю ситуацию конфронтации, не сделал весь арсенал соответствующих норм применимым к операции «Несокрушимая свобода». Простыми словами, признание того факта, что масштабные теракты могут расцениваться как вооружённые нападения, не может уравнивать в статусе и обращении их авторов – негосударственных субъектов – и государств-агрессоров. Тем более что вопрос первого тождества (теракты = агрессия) решён пока только *по правовым последствиям таких событий, а не по их сути*.

Ни в указанных выше, ни в последовавших резолюциях Совет чётко не указал на какой-либо принцип либо правило приравнивания

⁶ Вспомним, что государственные представители держав-победительниц на Нюрнбергском трибунале отказались признать преступными даже нацистский кабинет министров. Об осуждении государства-нации Германии вопрос не стоял в принципе.

⁷ Подробнее о далеко идущих последствиях легитимизации негосударственных субъектов по праву международной безопасности и по международному гуманитарному праву мы писали в работе «Концепция «войны с терроризмом»: проблемы правовой квалификации и политической конъюнктуры» (Военная мысль. № 1. 2012. С. 3-12).

масштабных терактов к вооружённым нападениям, не обозначил достаточные признаки, позволяющие признать тот или иной теракт достойным обращения к праву на самооборону. Совбез ООН использовал ad hoc оценку конкретной угрозы, создаваемой негосударственным субъектом («Аль-Каидой»), который получает поддержку от самопровозглашённого правительства одного из государств (движения «Талибан») – не более того. И даже этой ad hoc оценке отдельно взятой ситуации не хватило конкретики: резолюции 1368 и 1373 не содержат каких-либо пространственных и временных пределов по квалификации нападений на США как угрозы для международного мира и безопасности (формально такая квалификация, позволяющая обращаться к мерам по главе VII Устава ООН, действует до сих пор). Также не указаны критерии оценки ситуации в развитии, которые помогли бы установить, что уровень угрозы снижен, и оснований для самообороны больше нет.

Мы не выступаем против подхода ad hoc как такового. Ему должно быть место, ведь предусмотреть и прописать всё невозможно. Даже определяя агрессию, Генеральная Ассамблея ООН указала, что приведённый ею перечень актов не является исчерпывающим, и Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава. Однако, продолжая параллель, приведём отрывок и из самой резолюции, вводящей Определение: «хотя вопрос о том, совершён ли акт агрессии, должен рассматриваться с учётом всех обстоятельств в каждом отдельном случае, тем не менее, желательно сформулировать основные принципы в качестве руководства для такого определения»⁸. Полагаем, что логика в отношении негосударственных нападений должна быть той же. В широком плане, резолюции 1368 и 1373 Совбеза фиксировали лишь рождение новой нормы. И если дух закона в данном случае понятен и не вызывает возражений, то о букве сказать этого невозможно. Формирующаяся норма должна развиваться, конкретизироваться и, возможно, стать в том или ином виде кодифицированной.

Доводя параллель между квалификацией деятельности негосударственных субъектов и государств-агрессоров, можно было бы высказать предложение о целесообразности выработки определения негосударственного нападения. Ведь существующее Определение агрессии, описывая в части «прямых составов» различные виды

⁸ Резолюция 3314...

государственного вооружённого нападения и отражая, по мнению Международного суда, обычно-правовую норму, значительно уменьшает люфт её конъюнктурного толкования.

Однако, как представляется, с практической точки зрения согласовать определение агрессивных действий негосударственных субъектов почти невозможно. По нашему мнению, гораздо перспективнее опосредованный путь – *через расширение ответственности государств по косвенным составам агрессии и за соучастие в агрессии*. Мы имеем в виду следующее.

Совет Безопасности, действуя на основании главы VII Устава ООН, в той же резолюции 1373 обязал все государства не допускать, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан. Положения о недопущении государствами использования своей территории для террористической деятельности в том или ином виде были закреплены и в других важнейших международных документах. Так, ранее Декларация Генеральной Ассамблеи ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма» 1994 г. указала, что государства обязаны воздерживаться от попустительства или поощрения на своей территории деятельности по организации террористических актов на территориях других государств. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. включила в себя статью 18, в соответствии с которой государства-участники сотрудничают в предупреждении преступлений по смыслу конвенции, в частности, путем изменения, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за её пределами. Большая часть других универсальных антитеррористических конвенций и протоколов, принятых под эгидой ООН и её специализированных организаций также содержат аналогичные положения.

Вышеперечисленная подборка свидетельствует, что налицо *opinio juris*, значит здесь сложилась соответствующая норма международного обычного права. Мы бы вели речь о *принципе недопущения государствами использования своей территории для террористической деятельности*⁹. Полагаем, что с учётом всевозрастающего значения

⁹ На перспективу и в более широком контексте, возможно, следует вести речь о недопущении государствами использования своей территории для противоправных

новых угроз данный принцип мог бы получить сообразное отражение в Определении агрессии¹⁰.

Напомним, что в настоящий момент статья 3 Определения 1974 г. содержит составы косвенной агрессии (п. g) и соучастия в агрессии (п. f). К первым относится засылка государством или от имени государства вооружённых банд, групп, иррегулярных сил или наёмников, которые осуществляют акты применения вооружённой силы против другого государства, носящие столь серьёзный характер, что это равносильно актам прямой агрессии, или его значительное участие в них. Если руководствоваться Определением, к актам косвенной агрессии с полным основанием можно отнести, в том числе, ту деятельность, которая в поздних советских исследованиях обозначалась «государственным терроризмом», а у М.А. Хрусталёва получила наименование «диверсионно-террористической войны»¹¹.

В то же время, действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалось этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства, в соответствии с Определением 1974 г., является соучастием в агрессии. Остановимся на более подробном разборе подобных актов.

Итак, мы говорим о случаях, которые с позиций действующего международного права оцениваются однозначно отрицательно, но при этом вполне укладываются в систему координат традиционных межгосударственных взаимоотношений: правительство того или иного государства, осознавая последствия своих действий, предоставляет свою территорию другому государству для совершения акта агрессии. А что если развернуть ситуацию ближе к реалиям современной обстановки – как оценить деятельность государства, которое, не прибегая к непосредственной подготовке, финансированию, вооружению и засылке диверсионно-террористических отрядов в другую юрисдикцию, попустительствует использованию собственной территории негосударственными субъектами для подготовки террористических актов против другого государства? Ведь если такие акты, учитывая все обстоятельства,

действий негосударственных субъектов.

¹⁰ Мы говорим о возможных дополнениях к Определению агрессии, подразумевая, что, где это уместно, соответствующие изменения могли бы быть внесены и в другие документы, которые отражают те же нормы международного обычного права.

¹¹ Хрусталёв М.А. Диверсионно-террористическая война...

признаются Советом Безопасности равными по правовым последствиям вооружённому нападению и задействуется право на самооборону по статье 51 Устава ООН, должна идти речь об ответственности государства за вышеуказанные действия, сравнимая по серьёзности с ответственностью государства за акты агрессии.

По нашему мнению, расширение составов агрессии за счёт включения в Определение описанных нами действий было бы весьма актуальным и своевременным, и при этом не нарушало бы общую правовую логику. Сегодня агрессия является международным деликтом, субъектами которого могут быть исключительно государства. Такой подход сохранился бы, ведь за попустительство использованию своей территории в террористических целях отвечали бы они же. Единственное, подобные действия нельзя было бы называть соучастием в агрессии (поскольку содействие оказывается негосударственным субъектам) – *такое поведение субъектов международного права могло бы стать новым составом косвенной агрессии.*

Пространственное измерение самообороны

Итак, мы пришли к заключению, что с практической точки зрения расширение ответственности государств за агрессию по указанному выше образцу является более перспективным, нежели попытки возложить ответственность по праву международной безопасности на самих негосударственных субъектов¹². Это тем более верно, что здравый смысл подсказывает: самооборона в ответ на агрессивные действия негосударственных субъектов должна затрагивать территорию государства, где они базируются, где готовят нападения и где скрываются после их совершения.

Вообще, по нашему мнению, пространственное измерение самообороны можно считать ядром противоречий, не позволяющих согласовать общие подходы к применению инструментов права международной безопасности для противодействия негосударственным субъектам. Территориальная неприкосновенность – сакральное понятие для любого государства и любого правительства. Вкупе с реализацией принципа невмешательства во внутренние дела она последний

¹² Полагаем, даже сторонники крайне либеральных взглядов не будут отрицать, что, будучи основными элементами современной системы международной безопасности, государства являются не только наиболее эффективными адресатами и адресантами, но также проводниками действий.

оплот государства-нации. Именно на эту «священную корову» Вестфальской системы покушаются апологеты антитеррористической вооружённой превенции и других «инновационных» разработок.

И здесь вслед за Л.А. Скотниковым мы считаем уместным задать два ключевых (особенно учитывая тему нашей работы) вопроса. Можно ли применить вооружённую силу против негосударственного субъекта, не применив таковую против какого-либо государства? Вообще может ли негосударственного образование быть объектом применения права на самооборону¹³? Сам Леонид Алексеевич отвечает, что этого не может быть. Таковую позицию подкрепляет опыт релевантных прецедентов: в 1980-е гг. удары Израиля с провозглашением «права на самооборону» против «террористов» ООП *de facto* наносились по территории Ливана и Туниса; а в 2000-е Соединённых Штатов против «Талибана» и «Аль-Каиды» – по территории Афганистана. В одиозной Стратегии национальной безопасности США 2002 г., которая впервые провозгласила право Вашингтона на превентивную самооборону, несмотря ни на что также не было «отрыва от почвы». Документ закреплял принцип превентивного удара в отношении террористов и поддерживающих их стран (как мы понимаем, практический подход и предельный прагматизм заставили авторов СНБ-2002 связать в формулировке негосударственных и государственных субъектов соединительным союзом «и» – принимая во внимание дальнейшее развитие событий в Ираке и Ливии).

С другой стороны, если подойти к разбору «задачи» казуистически, не упираясь в прецеденты, она может получить результативное теоретическое решение. Мы говорим о случаях, когда негосударственные субъекты находятся вне национальных юрисдикций, например, в открытом море. Ведь преследование и уничтожение в нём пиратских кораблей (организованные команды которых мы также можем считать преступными негосударственными субъектами) формально не затрагивает законных интересов какого-либо государства.

Другое дело, что борьба с пиратством в осуществление универсальной юрисдикции, издревле применимой к данному виду преступности, не имеет ничего общего с самообороной – это правоохранительная деятельность, пусть и международного характера. Ведь исторический инцидент с «Каролиной» имеет хоть какое-то отношение к проблематике вооружённой превенции лишь за счёт того, что

¹³ Скотников Л.А. Право на самооборону... С. 11.

судно шло под американским флагом, и Вашингтон не открестился от команды и её действий против британских колониальных властей. США не отрицали факта уполномочивания капитана и, соответственно, не снимали с себя ответственности за произошедшее – они лишь оспаривали необходимость и законность ответных действий со стороны Великобритании. Если бы экипаж «Каролины» действовал по своему усмотрению, расправа с ним не могла бы даже теоретически увязываться с вопросами обороны/самообороны в межгосударственных взаимоотношениях¹⁴.

Представим сценарий (с «отрывом от почвы»), когда международная террористическая организация или транснациональный наркокартель с корабля без флага, располагающегося в открытом море, наносит масштабный удар по территории какого-либо государства. Нападение совершается с помощью ракетных вооружений и имеет тяжелейшие последствия. Как должно правительство пострадавшего государства оценить произошедшие события, и как оно должно вести себя в ожидании их квалификации со стороны Совета Безопасности ООН? Напрашивается ответ, что государство имеет право на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Это вписывается в наши стереотипные представления о серьёзности и масштабности нападения, использовании вооружений, несущих особые тяжкие последствия и пр.

Однако разве только внешняя сторона описанного деяния определяет его правовую оценку? Повторим тезис, указанный нами выше: разве то, что негосударственные субъекты теоретически способны провоцировать ситуации, похожие на агрессию, переводит дальнейшие связанные с этим события под действие права международной безопасности?

Мы убеждены, что в нашем сценарии действия негосударственных субъектов не могут быть оценены иначе как преступные, и пострадавшее государство, вне всяких сомнений, имеет право на ответные вооружённые действия (тем более что в приведённой ситуации они не затронут ни территории, ни законных прав и интересов других

¹⁴ Данный вывод подкрепляет Решение Международного суда по делу Никарагуа против США. В отсутствие явных доказательств, позволяющих квалифицировать контраст как силу, действующую от имени правительства США, суд отказался принять обвинение Никарагуа о том, что Соединённые Штаты «спланировали, создали и организовали наёмную армию – силы контраст». В решении говорится не о косвенной агрессии, а о нарушении США обязательства не вмешиваться в дела другого государства (средством обучения, финансирования, снабжения контраст и т.п.).

государств). Однако ответные удары не будут самообороной, а должны считаться правоохранительной деятельностью в форме специальной операции. И это вопрос уже не казуистический, а принципиальный. В особенности он представляется таковым исходя из интересов обоснования российских подходов к нанесению ударов по террористам и их базам за границей.

Россия и новые аспекты самообороны

Так получилось, что с высказываний бывшего министра обороны России С.Б. Иванова и его первого заместителя Ю.Н. Балуюевского о готовности нанести превентивные удары по базам террористов в любом регионе мира ряд авторов в нашей стране и за рубежом превратно трактуют позиции отечественного законодательства по вопросу контртеррористической превенции. На основе заявлений – а даже не официальных документов – начала 2000-х гг. продолжают делаться неоправданные выводы о якобы восприятии Россией американской концепции односторонней самообороны; бесосновательно объединяются официальные подходы к военно-политической и правоохранительной деятельности в области предупреждения и устранения террористических угроз.

Чтобы прояснить ситуацию, обратимся напрямую к соответствующим нормам нашего внутреннего права. Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет, что пресечение международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации осуществляется посредством применения вооружения с территории Российской Федерации против находящихся за её пределами террористов и (или) их баз или использования формирований Вооружённых Сил для выполнения задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации (ст. 10). Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» указывает, что подразделения специального назначения органов федеральной службы безопасности по решению Президента Российской Федерации могут использоваться против находящихся за пределами территории Российской Федерации террористов и (или) их баз для устранения угрозы безопасности Российской Федерации (ст. 9.1).

Чаще всего именно приведённые положения отечественного законодательства отдельные авторы трактуют как заявку России на право

превентивной самообороны в ответ на террористические угрозы. Именно здесь видят расхождение между действующим внутрироссийским правом и российской же доктриной международного права (которая продолжает осуждать упреждающую и превентивную самооборону, не санкционированную Советом Безопасности ООН).

Однако подобное толкование – тем более, в отсутствие к настоящему моменту практики реализации указанных норм – нам представляется бесосновательным. Во-первых, статьи обоих федеральных законов не содержат никаких ссылок на упредительный или превентивный характер контртеррористических мероприятий за рубежом. Во-вторых, в них нет указаний на односторонний характер действий (каковой без прикрытий фигурирует в официальных документах США). Наоборот, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации определяются Федеральным законом «О противодействии терроризму» в качестве правовой основы такого рода деятельности (ст. 1).

Наконец, имеется несчётное количество возможных сценариев, как упомянутые нормы могут реализовываться не только без противоречий с другими частями федерального законодательства, но и в полном соответствии с установками международного права (это и наш сценарий с «отрывом от почвы»; и возможное участие России в контртеррористических мероприятиях, санкционированных Совбезом ООН; и совместные действия по антитеррору в рамках договорённостей на территории одной из стран – участниц ШОС, и многое другое). Таким образом, сугубо текст закона не выказывает никакой приверженности России превентивной самообороне в ответ на негосударственные вызовы. И с учётом того, что законодатель чётко задекларировал следование России международному праву при проведении внешних контртеррористических мероприятий, рассуждения о какой-либо легализации *превентивной самообороны* против негосударственных субъектов можно считать, мягко говоря, «вольными трактовками» российского законодательства.

К тому же, возможное использование вооружений и вооружённых сил для решения контртеррористических задач за рубежом – это вообще не направление обороны, а правоохранительная деятельность (мы же не говорим об обороне применительно к использованию российских Вооружённых Сил для проведения внутренних контртеррористических операций). Ещё раз подчеркнём общее правило:

противодействие автономным негосударственным субъектам на самом деле имеет правоохранительную сущность – вне зависимости от набора, объёма и продолжительности применения тех или иных сил и средств.

Выводы

Таким образом, следуя нашей исходной посылке о невозможности обобщённого рассмотрения случаев самообороны против государств и негосударственных субъектов, мы вывели две суперпозиции. При этом ключ к определению того, к какой из них будет относиться тот или иной конкретный случай – это степень вовлечённости в события правительств и других государственных органов.

Первая относится к оценке и квалификации ситуации, когда негосударственные субъекты создают угрозы миру и безопасности благодаря поддержке того или иного государства. При таком положении вещей можно обоснованно вести речь о диверсионной активности, а при её существенных масштабах либо особо тяжких последствиях – о ковенной агрессии против государства, ставшего жертвой нападения. В этом случае нормы права международной безопасности вполне применимы – но, как это и предполагалось в период их выработки – к государству, а не к преступным структурам (сравним с ответственностью государств за создание и засылку наёмнических отрядов).

Вторая описывает случаи, когда негосударственные субъекты действуют полностью автономно (либо их связи с каким-либо государством не установлены). Тогда нормы права международной безопасности применимыми считать нельзя. Логика здесь вполне проста. *Ad hoc приравнивание по правовым последствиям* (обращение к праву на самооборону по смыслу ст. 51 Устава ООН) террористических атак 11 сентября 2001 г. и классического вооружённого нападения не ведёт к автоматическому калькированию установок и норм права международной безопасности, выработанных в межгосударственных взаимоотношениях, и распространению их на противодействие негосударственным угрозам. Так, на практике негосударственный субъект может стать объектом применения вооружённой силы (в частности при проведении правоохранительных спецопераций), но не может стать объектом самообороны.

В целом, мы хотели бы констатировать следующее. Существующие нормы целесообразно воспринимать как ориентир: несмотря

на политическую конъюнктуру, они должны устоять для регулирования отношений между государствами; но применительно к обращению с негосударственными субъектами они должны корректироваться, чтобы соответствовать характеру новых угроз, быть эффективными, не вызывая в то же время всеобъемлющей эрозии действующего международного права.

При этом вносимые изменения должны быть системными. Уже показало свою практическую несостоятельность соглашение на ad hoc адаптацию, а иногда и вольную трактовку существующих норм международного права из опасений, что политические противоречия не позволят разработать и согласовать новые нормы с чистого листа. В результате такого подхода вырванные из контекста фрагментарные положения, «новые прочтения» принципов и норм права международной безопасности произвольно скраиваются в лоскутное одеяло, которым прикрываются односторонние военно-политические акции и демарши.

Библиографический список

Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». Документ ООН A/59/565+Corr. 1 // <http://www.un.org/russian/secureworld/>

Резолюция 1368 (2001) Совета Безопасности ООН // <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1368.htm>

Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН // <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1373.htm>

Резолюция 1540 (2004) Совета Безопасности ООН // <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1540.htm>

Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. // www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml

Решение Международного суда ООН от 27 июля 1986 г. по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа // http://www.icj-cij.org/homepage/ru/files/sum_1948-1991.pdf

Скотников Л.А. Право на самооборону и новые императивы безопасности // *Международная жизнь*. № 9. 2004. С. 3-15.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 №35-ФЗ // <http://www.consultant.ru/popular/terror/>

Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 №40-ФЗ // www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm?id=1030801@fsbNpa.html

Хрусталёв, М.А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен /М.А. Хрусталёв // Международные процессы. 2003. № 2. С. 32-34.

On the Issue of Self-defense against Non-State Subjects (Summary)

Anton A. Varfolomeev

Trying to develop the current ideas on the right of self-defense, the author comes to a conclusion that the law basis and consequences of an armed response to threats posed by state and non-state subjects are different. He examines the reasonability to correct the indirect aggression definition for those cases when a state let a non-state actor use its territory to attack another state. Also he estimates the compliance of the Russian internal law with the International Security law in regards to the right of self-defense.

Keywords: Non-State subject; self-defense; UN Security Council; new challenges and threats.

* Anton A. Varfolomeev – Ph.D., assistant professor of the Chair of International relations, N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN) – National Research University. varfanton@yandex.ru.